

Византийское искусство: прорыв к свету, а не занудство

«В византийском искусстве мы никогда не встретим размышлений над негативными сторонами жизни. Византия создала искусство торжества, праздника, радости. В нем нет трагического, нет темы страха, ужаса, отчаяния. Византийские художники практически никогда не изображали черта. Даже на иконах “Страшный суд” или “Лествица”, где без нечистой силы не обойтись, бесы совсем не страшные. И это, если вдуматься, существенная сторона византийского мирозерцания», — рассказывает Ольга Попова, доктор искусствоведения, один из крупнейших специалистов по Византии. А что еще интересного было в том, как византийские художники видели и чувствовали мир? Об этом наш большой разговор с Ольгой Сигизмундовной.

Что такое Византия?

Византия — государство, которое сформировалось после смерти императора Феодосия I (346–395) в результате раздела Римской империи на две части — восточную и западную. Собственно, Восточная Римская империя и есть Византия. История ее растянулась более чем на тысячу лет (395–1453). Византийцы гордо называли себя «ромеями», единственными наследниками Древнего Рима, и по сути имели на это полное право.

Столетиями Византия определяла политику во всем цивилизованном мире. Многие историки утверждают, что именно отсюда на Русь пришло христианство (988). И древнерусское искусство во многом сформировалось на базе византийского культурного наследия.

Византия подарила миру одну из самых совершенных систем права, множество памятников мировой архитектуры, шедевры пластического и поэтического искусства, богатейшее богословское и философское наследие. Трагическое падение Константинополя под натиском турков-османов (1453) ознаменовало собой не только гибель Византийской империи, но и символический закат эпохи — Средних веков.

Чего не найти в византийском искусстве?

— Ольга Сигизмундовна, но ведь на средневековых западно-европейских иконах и картинах мы постоянно встречаем изображения нечистой силы...

— Конечно, и в этом смысле средневековое искусство Западной Европы разительно отличается от византийского: здесь черти и вообще демоническая сила играют огромную роль в художественном сценарии и построении композиции. Человек, подходящий к романскому собору, должен увидеть *такое*, от чего он точно придет в трепет. И этот страх должен натолкнуть его на какие-то очень важные размышления. Перед ним разворачивается сцена Страшного суда, где дьявольские силы изображены предельно натуралистично и производят неизгладимое впечатление: у бесов огромные пасти, клыки — сожрут не задумываясь!

Ничего подобного в Византии нет. Здесь в сюжете Страшного суда доминирующую роль играет райская композиция, а адские мучения — вторичны и не оказывают такого устрашающего воздействия на человека.

— Помимо темы страха и отчаяния, чего еще мы никогда не встретим в византийском искусстве?

— Реализма. Натуральным, природным, естественным здесь никогда не интересовались. Все свои образы византийские художники создавали *над* натурой, как бы минуя материальное и прорываясь к вечному. Можно сказать, что они изображали не сами материальные предметы, а божественные «идеи» о них. Нет в византийском искусстве и резкости движений, динамики — здесь все упорядоченно, гармонизированно, созерцательно.

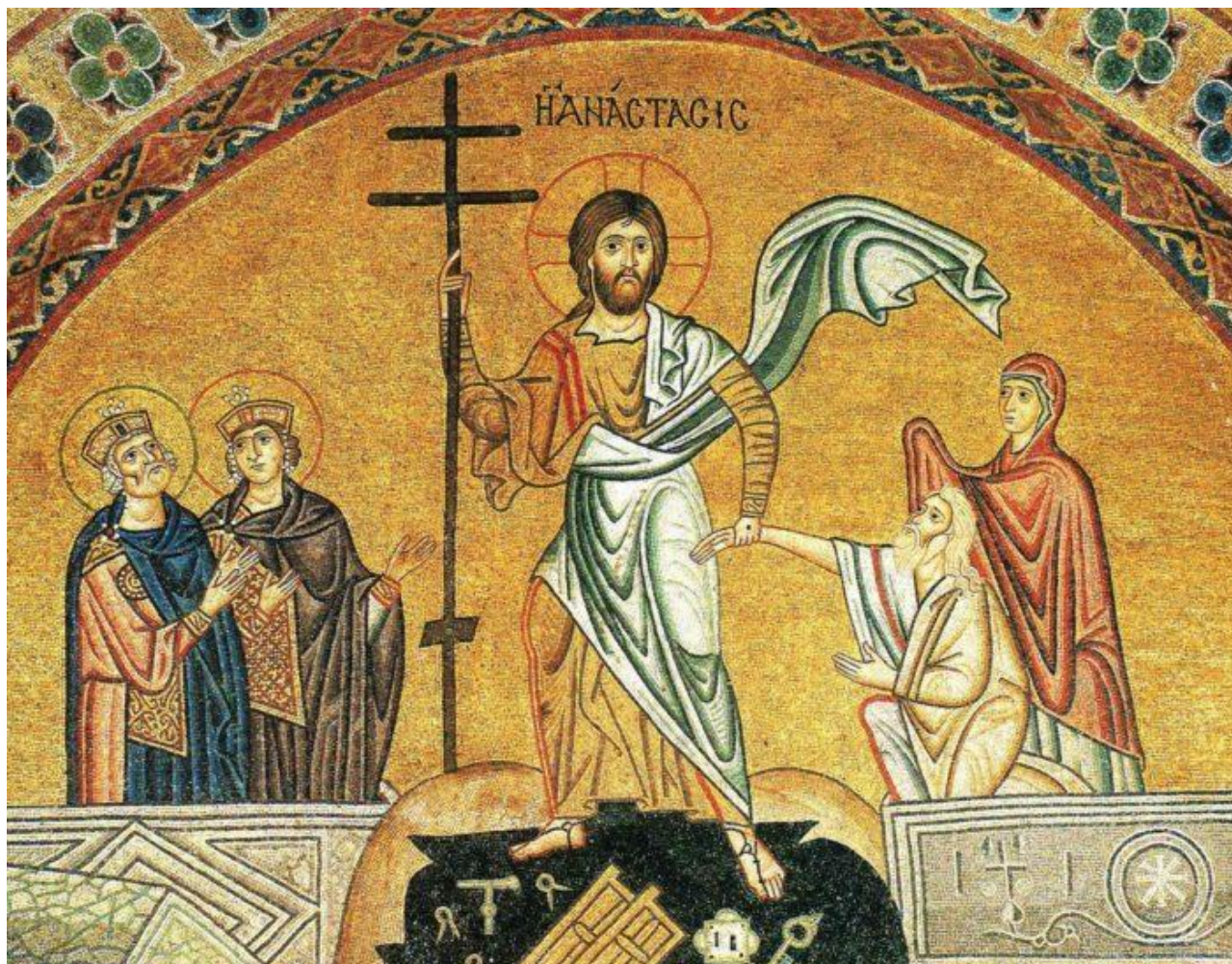
Тайная вечеря. Фрагмент эпистилия темлона; XII в.; Византия.

— С чем связаны такие различия искусства западно-европейского и восточного, византийского? Ведь это же одна и та же эпоха...

— Чтобы ответить на этот вопрос понадобится не одна и даже не две лекции — настолько это огромная тема. Поэтому ограничусь лишь несколькими замечаниями. Во-первых, в западном и восточном христианстве сложились свои специфические мировоззренческие оттенки. В том числе и из-за этого постепенно наметились и различия в искусстве.

Византийское искусство насквозь пропитано классическими, античными образами. Для Византии античность была родным домом, который она никогда не покидала. Здесь не случилось той катастрофы, которая произошла на Западе: древние традиции не пресекались, ремесло развивалось, города продолжали расцветать. Европа же пошла иным путем. После завоевания ее территории варварами она утратила свое средиземноморское культурное наследие и потом столетиями

напряженно пыталась его себе вернуть. И этот поиск классических форм в конце концов увенчался блестящей эпохой итальянского Ренессанса.

Мозаика. Византия. XI век. Греция. Фокида. Осиос Лукас

Для православного мира самый главный, центральный праздник — это Пасха. Она — вершина церковной жизни, пик человеческого бытия. На Западе же Пасха играет более скромную роль. Там центральным торжеством является Рождество. Даже сегодня, если вы в святочные дни попадете в любую европейскую страну, то увидите, с каким размахом отмечается этот праздник: сказочно украшенные улицы, ломящиеся от подарков магазины, праздничная суета, гуляния. Конечно, и у православных Рождество — очень важный и любимый праздник, но все же наивысшее, предельное торжество — это Пасха.

Кроме того, на Западе был сделан акцент на человеческой судьбе Спасителя. Внешний, человеческий образ Христа, перипетии Его жизни здесь, на земле — вот что интересовало каждого западноевропейского художника. Выделяется даже особый иконописный (а позднее и художественный) цикл — страстной, сфокусированный на событиях последних дней земной жизни Иисуса Христа. Нельзя сказать, что подобного цикла нет в православной культуре, тем более, что в Византии он также был очень важен, но все-таки главное в византийском искусстве — это Сам образ, лик Христа, Его внутренняя глубина.

— Разве латинское искусство лишено глубины?

— Нет. Я вовсе не хочу, чтобы ваши читатели воспринимали меня как противницу латинского искусства. Это совсем не так. Я лишь пытаюсь передать различие оттенков, не более. Моя французская коллега, профессор Сюзи Дюфрен однажды сказала: «Для вас, православных, самое главное — образ. А у нас главное — это слово,

текст. Поэтому у нас не получается так вникать в византийское искусство, как это делаете вы».

Христианская античность: возможно ли?

— *Что было для византийцев источником вдохновения?*

— В Византии было и светское искусство. И, по-видимому, чрезвычайно развитое и богатое. Но, увы, от него до нас практически ничего не дошло. Если же говорить о религиозном искусстве, то оно выстраивалось вокруг догмата о Боговоплощении: Бог стал человеком, Он стал видим и, следовательно, может быть изображен.

Когда отцы Церкви сформулировали догмат о Боговоплощении, антропоморфное искусство (ориентированное на изображение человека. — *Прим. ред.*), на котором стояла античность, стало допустимым и в христианском мире. И произошел удивительный сплав, в котором античная форма наполнилась абсолютно новым, христианским содержанием.

Деисус; XIII в.; Византия

Но самое удивительное в другом. История Византии полна убийствами, переворотами, подлостями. В этом смысле она ничем не отличается от западной средневековой истории. Это был период, отмеченный приматом силы, и идея, что власть может быть получена любой ценой, была одной из главных. И вот в *таком* византийском обществе, мягко говоря, не отличающемся высокой

нравственностью, создается искусство, которое способно размышлять о Божественном на такой головокружительной высоте.

— А Вы считаете, что такие размышления — удел аскетов?

— Нет, мне важно показать, что даже несмотря на мрачность и жестокости той эпохи, у византийских художников сохранялась великая устремленность к святости. Они выработали поразительный стилистический язык, с помощью которого создавали глубочайшие образы.

Язык, на котором говорит византийское искусство, безусловно наполнен символами, которые нужно уметь расшифровывать. Но иначе нельзя было решить такую грандиозную задачу: изобразить то, во что человек верит, то есть нечто принципиально невидимое, нематериальное.

Фрагмент византийской иконы, на котором видны высветленные элементы.
Снятие со креста; XIV в.; Византия

— То, что Спаситель или святые на иконах и фресках изображались на золотом фоне — одно из проявлений подобного символизма?

— Конечно. Дело в том, что в сознании византийцев золото символизировало Божественный свет. Вообще-то природа света передавалась не только золотом, но и белилами. К примеру, на фресках Феофана Грека на ликах и одежде святых большие белые «движки» света. И фигуры людей расчерчены световыми линиями. Это так называемые пробела (высветление одежд, зданий, горок и пр.) — свет, который насыщает всякую художественную форму. А золотой цвет всегда символизировал присутствие Божественного света.

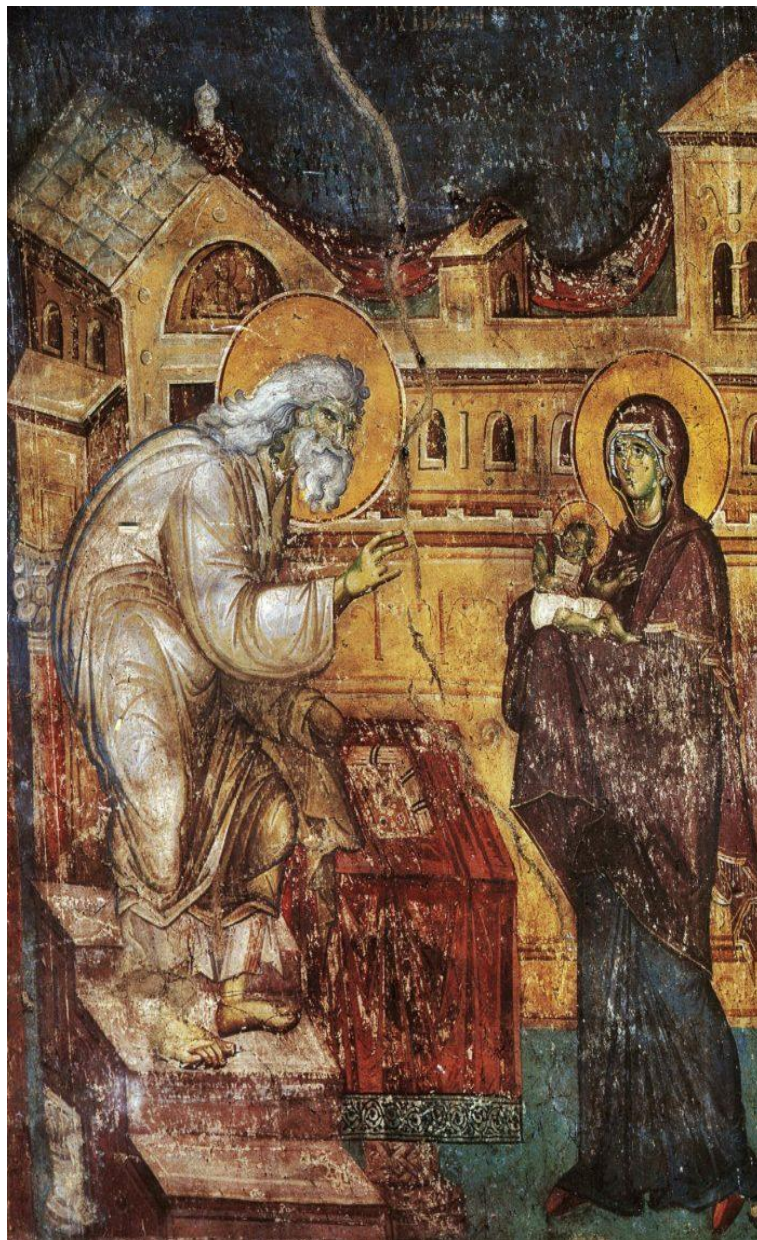
Можно вспомнить икону Богородицы, которая называется «Ярославская Оранта» («оранта» переводится как «молящаяся». — *Прим. ред.*). Она хранится в Третьяковской галерее. На этой иконе вся одежда Богородицы расчерчена массивными золотыми штрихами — так называемыми ассистами, — которые наполняют ее фигуру Божественным светом.

Скучное искусство?

— *Художественное наследие Византии представлено главным образом иконописью. Но икона консервативна, подчиняется строгим канонам. Значит ли это, что византийское искусство просто застыло?*

— То, что византийское искусство застывшее и занудное — миф.

Оно не знало стагнации. У него тысячелетняя биография (с IV по XV век. — *Прим. ред.*), со своими взлетами и падениями. И иконописные образы не всегда были одинаковыми: они перерабатывались, дополнялись новыми деталями, реагируя на те или иные исторические события. Икона впитывала в себя и постоянно шедшие в империи богословские споры.

Сретение Господне; Византия.; XIV в.

— А как же канон?

— Конечно, иконографическая «догма» всегда была устойчивой и неизменной. Но к XIV веку, в период поздней Византии, иконография становится чрезвычайно разветвленной — умножается количество сюжетных деталей — и все более «разговорчивой», литературной, повествовательной. Но парадокс в том, что вместе с приобретением этого творческого многообразия она утрачивает свою целостность, свой внутренний духовный стержень: он как бы заслоняется этой внешней детальной пестротой.

А вот классический византийский образ не обладает такой «литературностью», и в этом его величайшее значение: в своей предельной простоте византийская икона достигала глубочайшей степени выразительности.

Фрагмент мозаики с изображением архангела Гавриила. Храм Святой Софии. IX век

— И как удавалось сохранять такое единообразие на территории огромной империи?

— А в разных регионах империи иконописные школы двигались своими путями, вырабатывая собственную стилистику. Вот например: после IX века, когда с ересью иконоборчества было покончено, византийское искусство пережило взлет. В Константинополе для Софийского собора создается образ Богородицы с Младенцем, сидящей на троне, а по бокам два архангела — Михаил и Гавриил. Это утонченный образ, с прекрасными, аристократическими ликами. Он буквально пронизан тончайшей внутренней поэтичностью. Такой мог появиться только в столице и, видимо, создавался какими-то высокородными, знатными художниками.

Примерно в это же время в Салониках (территория современной Греции. — *Прим. ред.*) существует другой художественный центр, создавший мозаики местного Софийского собора. В куполе этого храма — композиция «Вознесение Христово»: Господь в окружении ангелов поднимается на небо. Христос находится в круге — это сияние Божественной славы, а вокруг расположены фигуры Его учеников и Богородица. В этом образе нет константинопольской утонченности, он выполнен мощно, ударно, экспрессивно.

Византия знала разных мастеров, разные художественные школы, подходы, стили. Поэтому искусство здесь постоянно находилось в развитии.

Собор святой Софии в Константинополе

— А храм для византийцев был только центром религиозной жизни?

— Нет, это был еще и своеобразный информационный центр, настоящая энциклопедия. Попадая в него, человек оказывался в пространстве, наполненном различными изображениями. Здесь были и образы святых, и некоторые моменты их жития, и сюжеты библейской истории, и порой важнейшие события истории государственной — все это формировало специфику мировоззрения, фундаментальный набор представлений о мире и о человеке.

Кроме того, священник почти за каждым богослужением читал проповедь, которая нередко касалась каких-то злободневных проблем в империи. В некоторых храмах имелась своя библиотека. Одна из самых крупных находилась в Софийском соборе в Константинополе.

Вообще, о соборе Святой Софии стоит сказать отдельно, потому что он стал своеобразным символом византийского искусства. В нем представлены все наивысшие творческие достижения империи. Это был самый большой собор в Византии. Внутри него — колоссальное пространство, с огромным количеством окон, от чего весь храм буквально залит потоками света. И эти потоки в определенное время дня имеют определенное направление — так искусно они спланированы.

Безусловно, Софийский собор — пример инженерного гения. Взять хотя бы знаменитый купол, который считается самым большим в мире. Он очень тяжелый. И во время строительства, чтобы нейтрализовать распор (ту силу, которая стремится обвалить купол. — *Прим. ред.*), пришлось по бокам главного купола достроить еще два полукупола, а к ним с каждой стороны — еще по три. Только так удалось нейтрализовать нагрузку на центральный купол.

«Сто тысяч полутонов»

Рукопись. С выставки [«Шедевры Византии»](#). Фото Юлии Маковейчук

— *Бытует мнение, что византийская икона никогда не отражала реалии той или иной эпохи. Что по ней, например, нельзя узнать, как одевались византийцы, в каких домах жили и так далее. Это так?*

— Нет, это неверно. Художник — это же не какая-то абстрактная величина. Он живой человек, который, создавая икону, вписывал в нее то, что видел вокруг. Например, по изображениям императоров на фресках или иконах вполне можно получить представление о костюмах, принятых при дворе. Более того, можно даже распознать из каких тканей их шили.

Я много лет занимаюсь древними византийскими рукописями. Когда открываешь старинное Евангелие, перед началом каждого текста изображен евангелист, его написавший. Рассматривать эти миниатюры очень увлекательно. Вот, скажем, один сидит в кресле за столиком и пишет. На столике лежат разные предметы, необходимые для работы: ножки, перышки, краски. А в самом столике есть открытая дверца, за которой видны запасные пергаменты, колбы с разноцветными чернилами, краски, другие кодексы (книги. — *Прим. ред.*). Есть еще свитки, которые лежат в специальной корзине. Все эти предметы художник не нафантазировал. Он, как человек, который работал в скриптории, прекрасно знал, каким образом и с помощью каких инструментов создавались и писались книги.

— *Книжная иллюстрация была распространенным жанром?*

— Да, книжной культуре в Византийской империи всегда уделяли большое внимание. Были даже периоды, когда рукопись как вид искусства доминировала над всеми остальными. До нас дошло достаточно много рукописей второй половиной XI века с иллюстрациями, над которыми работали лучшие художники того времени. Они пользовались тоненькими кисточками, благодаря чему им удавалось создавать очень маленькие фигуры и лица. Приходишь в изумление, когда рассматриваешь их через увеличительный прибор — они выполнены как полноценные фрески. Для того, чтобы передать виртуозность таких изображений, я использую выражение «сто тысяч полутонов».

Димитрий Солунский, св. вмч.; Византия.; XIV в.

Такое внимание к книжной культуре в Византии неслучайно. Практически на протяжении всей истории империи влияние интеллектуальной элиты было очень весомым. Бывало, что трон занимали императоры, которые покровительствовали наукам, культуре, книжному делу. На личные средства они заказывали в скрипториях манускрипты, которые затем дарили монастырям.

Вообще, византийское общество было очень образованным, с каким-то внутренним духом элитаризма и интеллектуализма. В таком обществе художник просто обязан был становиться мастером: его творчество должно было соответствовать рафинированным вкусам византийцев.

— *А что в этом уже таком далеком от нас искусстве может найти для себя современный человек?*

— Если человек восприимчив к этим формам искусства, если его притягивает смысловое пространство, то я думаю, чем глубже он будет погружаться в него, тем больше будет думать о Боге. Византийское искусство устремлено к святости, к Божественному. Оно открывает путь человеческой души к Богу. Но если вы равнодушны к Создателю, боюсь, вам не найти себя в пространстве Святой Софии.

Соприкосновение с византийским искусством — это глоток чистого, свежего воздуха: на душе становится легче, светлее. Но нельзя забывать и о главном: христианство утверждает, что человек призван стать богоподобным. Как сказал знаменитый богослов, святитель Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». Византийское искусство тем и дорого для каждого верующего, что постоянно настраивает ум на Богомыслие.

На заставке фрагмент: Спас на троне; Византия.; XIII в.